

Л. Я. Костючук

УЧЕТ ПЛАНА ВЫРАЖЕНИЯ — ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ПОНИМАНИЯ ДРЕВНЕГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПСКОВСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ)

Псковский государственный университет, 180000, Российская Федерация, Псков, пл. Ленина, 2

Результаты синхронно-диахронных наблюдений в трудах представителей «содружества гуманитарных дисциплин» обогащают понимание языка и условий жизни его носителей. Для «Псковского областного словаря с историческими данными» ценны псковские грамоты XIV–XV вв., сохранившиеся в основном в списках XVII в. Они отражают региональные особенности речи псковских писцов. При этом необходимо учитывать те общеславянские, древнерусские языковые процессы в речи псковичей, которые позволили А. А. Зализняку обосновать теорию древнего псковско-новгородского диалекта: лексические и грамматические значения языковых и речевых единиц (*изнестися* ‘умереть’, *привороток* ‘шейный платок’); фонетический облик древних слов и словоформ, отраженный в графическом оформлении (*мочигло* ‘яма для вымачивания льна, мочило’, *по зари* В. п. мн. ч. от возможного *зарь* ‘необработанный участок как граница земельного надела’, *Федоре* — И. п. ед. ч. м. р.). Библиогр. 15 назв.

Ключевые слова: синхрония, диахрония, структурно-системные особенности, памятники письменности, региональная лексикография, смежные дисциплины, семантика, фонетические процессы.

PLAN OF EXPRESSION AS A FACTOR OF OLD TEXTS COMPREHENSION (A CASE STUDY OF WRITTEN MONUMENTS FROM PSKOV)

L. Ya. Kostichuk

Pskov State University, 2, Lenina sq., Pskov, 180000, Russian Federation

Results of synchronic-diachronic studies presented by representatives of “the humanities community” contribute to understanding of the language peculiarities and the way of life of its speakers. The 16th–17th century documents from Pskov surviving mainly in the 17th century copies are valuable for the *Pskov Regional Dictionary with Historical Data*. They reflect regional speech peculiarities of scribes from Pskov. It is also necessary to take into account those common Slavic, Old Russian linguistic processes in the speech of the Pskovians which allowed Andrei Zaliznyak to provide rationale for the theory of the Old Pskov-Novgorod dialect: lexical and grammatical meaning of linguistic and speech units (*iznestsya* “to die”, *privorotok* “kerchief”); phonetic profile of old words and word forms reflected graphically (*mochiglo* “hole for watering linen”, *po zari*, Acc., plural, possibly derived from *zar* “raw piece of land as a border of a hideland”, *Fedore* — Nom., singular, masc.). Refs 15.

Keywords: synchrony, diachrony, structural and systemic peculiarities, written monuments, regional lexicography, complementary sciences, semantics, phonetic processes.

XX век оказался веком больших открытий во многих областях разных наук, в частности гуманитарных. В связи с широко отмечавшимися в последние годы юбилеями таких ученых, как И. И. Срезневский, Я. К. Грот, В. И. Ягич, А. А. Шахматов, современная научная общественность в очередной раз осознала, что именно на сближении и пересечении ряда смежных гуманитарных дисциплин рождались в прошлом важные открытия и закладывались основы дальнейших перспективных путей познания и изучения объектов наук. Не случайно, современная новейшая филология признается «содружеством гуманитарных дисциплин» [1].

Язык и текст составляют обязательный предмет в изучении материала, в оформлении результатов исследования истории, культуры, этнографии, археологии и т. п.,

при синхронном и диахронном подходах к материалу. При этом необходимо сопоставлять и сравнивать факты, выяснять причины возникновения и проявления соответствующих свойств и особенностей изучаемых явлений.

Подготовка к юбилею крупного ученого дает возможность оценить значимость достигнутого и выявить проблемы, на которых необходимо заострить внимание современников. И большая удача для исследователей — получить доступ к ценным трудам из неопубликованного наследия классика науки. Вспомним сейчас замечательный том лекций академика А. А. Шахматова по русской диалектологии [2].

Работа лексикографа требует от исполнителя обращения ко многим гуманитарным наукам. Особенно ясно это проявляется, например, при реализации идеи Б. А. Ларина создать «Псковский областной словарь с историческими данными» [3], который востребован и диалектологами, и лексикологами, и историками языка, и лингвогеографами, и историками, археологами, литературоведами, и этнографами. До настоящего времени актуальны слова Б. А. Ларина, сказанные в предисловии к первому выпуску этого уникального словаря в 1967 г.: «Большим преимуществом перед всеми имеющимися областными словарями русского языка (как и других славянских языков) будет наличие в нашем Словаре большого исторического материала. Кроме Новгорода, ни один край (“удел”) феодальной эпохи не сохранил такого обилия торговой, юридической, политической документации, такой богатой местной литературы; достаточно напомнить о выдающихся своим местным колоритом Псковских летописях. Это дало нам возможность впервые в русской лексикографии поставить в непосредственную связь лексику современных псковских говоров с отражениями живой народной речи в документах и памятниках письменности феодальной эпохи» [4, с. 3]. Обоснование такого типа словаря Б. А. Ларин приводил в «Инструкции Псковского областного словаря» 1961 г. [5] и в статье 1960 г. по поводу необходимости издания «Лекций по русской диалектологии» А. А. Шахматова, которые Б. А. Ларин подготовил с комментариями к изданию еще в 1940 г. [6].

Совместная работа историков, археологов и лексикографов-диалектологов показывает: обсуждение **некоторых** проблем неизбежно и плодотворно. Прежде всего потому, что работа с древним текстом требует его осмысления 1) для получения информации, не искаженной только общим восприятием слова; 2) для наиболее точного перевода текста (с отличием буквального перевода каждого слова от общего перевода на современный язык); 3) для понимания специальных языковых особенностей разных уровней, чтобы выяснить и содержательную сторону, и коннотации (дополнительные смыслы) разных планов.

Лексикограф — диалектолог или историк языка — **всегда имеет дело** с необходимостью исследовать получаемые сведения и интерпретировать их с помощью специальных металингвистических приемов. Особенно это важно составителю «Псковского областного словаря с историческими данными» [3], когда приходится постоянно учитывать синхронно-диахронные отношения в лексике, системные связи в тексте и в системно-структурных отношениях единиц разных языковых уровней. Подчас приходится принимать нетрадиционные решения.

В древних памятниках есть факты, которые не вызывают трудностей перевода. Так, в словарной статье на глагол **быть**, представляющей, собственно говоря, подробное исследование семантики и функционирования слова, есть примеры из памятников письменности, когда связка выступает в сочетании с простыми формами

прошедшего времени, что незакономерно, и, наоборот, нет связки в сложной форме перфекта при действительном причастии прошедшего времени с суффиксом *-л-*:

И псковичи ударили челом в землю и не могли противу его [«великого князя»] отвечать, ано исполнися бяше очи слез (Псковская I летопись, 1510 г., л. 659об.) [3, вып. 2, с. 241].

В данном случае аорист на гласный *исполнися* (в форме 3 л. ед. ч. от глагола *исполниться* в значении 'наполниться' при отсутствии согласования с подлежащим-субъектом *очи* 'глаза' не в единственном числе) сопровождается вспомогательным глаголом *бяше* в форме имперфекта тоже в 3 л. ед. ч., в то время как, во-первых, субъект действия (*очи*) предполагает множественное число, а, во-вторых, аорист не требовал использования вспомогательного глагола *быти*. Наблюдается, видимо, подчеркивание одного из действий в прошлом: *исполнися бяше очи* [= «наполнились глаза слезами»]. Форма же перфекта *ударили челом, не могли отвечать* уже не содержит связки *суть* в форме настоящего времени 3 л. мн. ч. при подлежащем *псковичи*.

Общий смысл описания так называемого «псковско взятия» (подчинения Пскова Москве), трагического для вольного Пскова события, понятен: «И псковичи ударили челом в землю [= поклонились до земли] и не могли против него [= великого князя] говорить [= не могли противоречить ему], так как глаза [их] наполнились слезами». И только лингвист будет задумываться, что это за форма сказуемого *исполнися бяше* при подлежащем *очи*. Первоначальный ответ получен в исторической части словарной статьи «Псковского областного словаря», составленного прекрасным лингвистом-лексикографом А. И. Корневым, который не упустил такое необычное функционирование и нашел ему место в системе лексикографической фиксации: глагол *быть* «II. Как вспомогательный глагол употребляется <...> 2. При образовании сложного прошедшего <...> а) с формой аориста или имперфекта» [3, вып. 2, с. 237, 238, 241]. Естественно, без объяснения в словаре.

Заинтересовавшись такими единичными случаями, мы сначала не могли найти для них ответа ни в одном специальном исследовании по древнему глаголу, ни в одном пособии по исторической грамматике (хотя признавали, что они связаны с формированием новой системы прошедшего времени в русском языке, что в какой-то мере отражалось в письменной речи). И вдруг неожиданно обнаружили упоминание о подобном в учебно-методическом комплексе 2009 г. по истории русского языка, изданном Санкт-Петербургским университетом. В. В. Колесов, внимательный к объяснению редких немногочисленных отклонений от древних языковых норм, анализируя причины развития нового в грамматической системе, исходил из развития самой системы. Обнаружив следующий пример: *Судиславъ же браняиеть ему, бѣ бо имѣиеть леть во сердци своемъ* — с имперфектом в сочетании со связочным глаголом, ученый посчитал его ошибкой писца. Однако в то же время В. В. Колесов подчеркивает: эта ошибка свидетельствует о том, что имперфект *имѣиеть* в сочетании с глагольной связкой *бѣ* (образованной от основы имперфекта и по структуре являющейся аористом на гласный) уже не сохраняет значения первоначального имперфектного времени, а приближается к функции причастной формы с суффиксом *-л-*; в общем же тексте вся конструкция (*бѣ имѣиеть*) получает значение плюсквамперфекта [7, с. 311].

Следовательно, такие неожиданные преобразования в передаче прошедшего времени связаны с «расшатыванием» старого и развитием нового в соответствующей сфере языка.

Для понимания смысла текста большую роль играют прежде всего лексико-морфологические образования, но иногда значимыми являются и фонетические варианты слов с учетом и их морфологических форм.

Составители «Псковского областного словаря с историческими данными» тщательно исследуют разные местные памятники, рекомендованные Б. А. Лариным [8, вып. 1, с. 21–26], и новые, появляющиеся в поле зрения лексикографов при работе над словарем.

Используя местные памятники, составители особое внимание должны уделять открывающемуся плану выражения в словах на соответствующие буквы. За планом выражения скрывается подчас уточняемый, а иногда и совсем новый план содержания. Это выясняется не сразу. Изучая местные памятники для пополнения исторической картотеки «Псковского областного словаря», мы должны учитывать и местные особенности в разных языковых уровнях.

Неиссякаемым источником неожиданных ценных лексических сведений для словаря являются псковские грамоты XIV–XV вв., обнаруженные, исследованные именно как исторический источник и опубликованные историком Л. М. Марасиновой в 1966 г. («Новые псковские грамоты XIV–XV веков») [9]. Но Л. М. Марасинова проявила и замечательные способности ученого-гуманитария, ведущего исследование на уровне формировавшейся новейшей филологии. Автор обратился к достижениям не только истории: раздел V «Земельные акты XIII–XV вв. как исторический источник» [9, с. 125–162]; раздел I «Обзор опубликованных и неопубликованных псковских земельных актов XIII–XV вв.» [9, с. 5–27]. Это видно и по названиям разделов исследования, сопровождающего публикацию грамот: Л. М. Марасинова проявляет знание юриспруденции, посвящая часть раздела II «дипломатическим замечаниям об актах XIV–XV вв.» [9, с. 28–43]; обнаруживает знания палеографии в разделе II [9, с. 28–43], лингвистики, создав «Пояснительный словарь» к затрудняющим понимание словам из публикуемых грамот, предварительно изучив все доступные для середины 60-х годов XX в. диалектные, исторические словари, словари современного русского языка и обращаясь при этом к Картотеке «Псковского областного словаря с историческими данными», беседа с ведущими его составителями [9, с. 179–190]. Л. М. Марасинова привлекает сведения вспомогательных дисциплин (хронологии, географии), создав ценные «Комментарии к актам» в разделе IV [9, с. 84–124].

Самостоятельную научную и практическую значимость в публикации Л. М. Марасиновой представляет раздел VI «Сфрагистический комментарий к псковским частным актам», написанный В. Л. Яниным [10, с. 163–178]. Это исследование о псковских печатях помогло уточнить время создания документов (в частности, списков с более ранних подлинников).

Как опытный археограф, Л. М. Марасинова сопроводила издание найденных ею грамот указателями: именованным, географическим, предметно-терминологическим [9, с. 191–203].

Таким образом, и сам текст указанных псковских грамот XIV–XV вв., и серьезное исследование, проведенное Л. М. Марасиновой, в ряде случаев дают простор

для решений необычных языковых и речевых загадок, а также для уточнения уже существующих предположений, касающихся процесса развития русского языка.

Покажем на ряде примеров, как даже рассмотренные уже единицы через какое-то время требуют иногда обращения к новым сведениям, поскольку при поисках аналогий в современных местных говорах для возможности идентифицировать единицу прошлого могут обнаруживаться новые доказательства в виде фактов из очередных диалектологических экспедиций или в виде словарных фиксаций в появляющихся выпусках соответствующих словарей.

Одна из 35 местных псковских грамот, найденных Л. М. Марасиновой в спорных земельных делах XVII в., оказалась подлинной, датируемой началом XV в. (1417–1421 гг.), что подтвердил и В. Л. Янин, привлекая свидетельства псковских летописей [10, с. 175–178]. Это грамота под № 33 «Духовная Акилины, жены князя Федора» [9, с. 72–74]. Другие грамоты дошли в списках XVII в.: в то время при возникновении у потомков авторов грамот спорных земельных дел со старых грамот делались списки (подтверждающие истинность владения) и подшивались в документы дел XVII в.

Ценность грамоты Акилины, безусловно, в ее подлинности: она сохраняет особенности речи Акилины (Кюлены), жены князя. Это и неискренность в составлении, в частности, завещания по строгим трафаретно-нормативным правилам, и подробное, неторопливое упоминание многочисленных ценных объектов разного достоинства, которые женщина желает завещать самым близким ей людям.

Своеобразие «плана»-структуры духовного завещания ярко выразилось в добавлении Акилиной, вероятно, забытого распоряжения относительно одного из многочисленных сел, которыми владела богатая и знатная завещательница:

а что село мое за Устровомъ Фларево седенье а то даю свтеи бци в манастырь черницамъ в Устров [9, с. 73].

Этот один из завещаемых объектов упоминается Акилиной не наряду с другими дарственными объектами завещания в соответствующих распорядительных частях, а после своеобразной заключительной традиционной формулы, которая содержит распоряжение волеизъявителя относительно невозможности и недопустимости кому-то изменить завещание:

а се рукописанье мое первое и постыднее а на т (выносная буква «т», относящаяся к указательному местоимению. — Л. К.) послоух бгъ и вцъ мои дховныи Захарья попъ слоужитель стго Въздвигенья чстнаго крста гня а кто слов (от конца слова остается только одна выносная согласная буква «в» — Л. К.) мое перестоупитъ или посоудитъ соуди емоу бгъ и боуди емоу анафема [9, с. 73].

Не совсем обычно звучит в устах автора завещания название документа — **рукописание**, а главное, с определениями **первое и последнее**: завещание обычно является итоговым в жизни документом или пишется перед каким-то важным событием.

В зависимости от соответствующих предложно-именных сочетаний слово **жизнь** с исходной семой 'жить, жизнь' может означать границу земной жизни:

а с тоа и цне моя с тых семи дворовъ и с половине мелници моя кормити моужеви мо-

емоу Федороу и **до своего животоу** [9, с. 72] (выражение с новым окончанием **-оу** в Род. пад. ед. ч. вместо закономерного **-а**.);

*а то даю **по животе** моужа своего Федора стмоу же...* [9, с. 74] (далее буквы не читаются);

*а то даю племеннику своему Матфею съпроста **по своемъ животе*** [9, с. 74] (в двух последних примерах встречается Местн. пад. ед. ч. с написанием буквы **-е** вместо закономерной буквы **-ю**).

Выделенные выражения означают границу жизни и смерти (предполагаются значения 'до конца жизни / до наступления смерти' с предлогом **до**; 'после конца жизни / после смерти' с предлогом **по**).

Слов с корнем **мер-** по отношению к мужу или другим родственникам Акилина избегает:

*а то даю моужеву своему Федороу в одерень, а **изнесеться** моужь Федоре, ино даю **ицноу** свою <...> Оуспенью светеи бици в манастырь **черничамъ*** [9, с. 73].

В словоформе **Федоре** проявляется известная и древним псковским говорам особенность: в существительном И. п. ед. ч. м. р. древней основы на **ǫ* употреблено окончание **-е** вместо обычного окончания **-ѣ**, о чем подробно пишет А. А. Зализняк применительно к древним новгородским говорам, если в слове не было суффикса **-ѣк-** (тогда могло бы быть окончание **-о**) [11, с. 82–84]. Не раз в духовной Акилины проявляется местный характер ее речи: «чоканье» (в данном примере **черничамъ**), и «цоканье» в терминологичном названии **ѿцина**.

*а изнесеться племенникъ мои Матфеи ино даю **ицноу** свою <...> свтлмъ в манастырь на Болото* [9, с. 74].

Глагол **изнестиса** приобрел метафорическое значение 'умереть, скончаться' от исходного значения 'прийти в негодность из-за носки' [11, вып. 6, с. 189] на основе семы 'прийти в негодность'. Это же слово обнаружено и в некоторых других грамотах XIV–XV вв. В грамоте № 35 Духовной Осипа XV в. (в списке около 1669 г.):

*А **изнесутца** дшери мои Офимья и Настаха...* [9, с. 75];

в грамоте № 30 Духовной Никиты Хова 1491–1496 гг. (в списке 1684 г.):

*А **изнесутца** жена моя и дочка моя и внука моя...* [9, с. 69–71].

В отличие от этих грамот, в грамоте № 15 Духовной Павла XIV–XV вв. (в списке 1678 г.) условия завещания относительно возможного появления владельца на имущество в связи со смертью предыдущего владельца названы словом с корнем **мер-**:

*А **помрет** жена моя Феодосья, ино даю село <...> святому Николы* [9, с. 57–58];

в грамоте № 14 Духовной Симеона XIV–XV вв. (в списке 1678 г.):

*А толкъ <...> жена моя <...> **помрет**, ина село свое <...> даю брату своему Василью да живота. А **помрет** брат мои Васильи, ино после иво живота, даю тое ж село <...> брату своему Григорью Михайлову сыну да* (в предлоге отражение акающего произно-

шения писца. — Л. К.) живота. А **помрет** брат мои Григореи, ино после его живота даю тое ж село <...> святому Николе [9, с. 57].

Рассмотренное слово **изнестися** можно считать эвфемизмом в духовном завещании для обозначения возможной смерти близких людей в будущем.

Контексты завещаний, в которых встречаются слова **изнестися**, **померети**, представляют так называемые параллельные тексты, позволяющие выяснить синонимичные значения единиц, выполняющих одинаковую содержательную и структурную функции (в аналогичных структурных частях документов в одном и том же значении). Значит, глагол **изнестися** имеет значение ‘умереть, перестать жить; скончаться’. Отмечен он только в псковских памятниках — грамотах XIV–XV вв. [3, вып. 13, с. 246]. Следовательно, его можно считать псковским регионализмом. Указанные примеры с глаголом **изнестись** почему-то не зафиксированы в «Словаре русского языка XI–XVII вв.».

Как свидетельствуют данные диалектного словаря XIX в. («Дополнение к “Опыту областного великорусского словаря”»), в псковских говорах и в прошлом отмечались глаголы **износить** в значении ‘состарить прежде времени’ и **износиться** в значении ‘состариться (именно в таком написании — об изменении состояния человека. — Л. К.), утратить первобытную красоту’ [13, с. 72]. Эти данные были представлены И. И. Карповым, выпускником псковской мужской гимназии, в псковских и тверских (осташковских) говорах (последние — фактически псковские). Сема в значении этих глаголов — ‘потеря жизненных сил’. В современных псковских (опочецких) говорах известно подобное значение: **износиться** ‘состариться, ослабеть, одряхлеть’ [3, вып. 13, с. 248].

Зато слово **приворотки** (мн. ч., вероятно, от ед. ч. мужского рода, как считает и Л. М. Марасинова), единично употребленное только в духовной грамоте Акилины и толкуемое автором публикации как ‘шейный платок’ [9, с. 187], позволило появиться словарной статье в историческом словаре XI–XVII вв. с таким же толкованием [12, вып. 19, с. 122]:

*а в ноучи свои и **приворотъки** а то даю по своей дщи за сорокоустя* [9, с. 73].

Это слово является тоже псковским регионализмом: в таком значении оно нигде не зафиксировано. Л. М. Марасинова пытается найти ему подтверждение в народных говорах [9, с. 187] и находит у В. И. Даля с географическими пометами как псковское и тверское слово при толковании ‘плат, шейный платок’ [14, т. III, с. 404] (лексема была обнаружена тоже в записях И. И. Карпова, передавшего свои материалы в Библиотеку Академии наук, значительная часть которых вошла в «Дополнение к “Опыту областного великорусского словаря”»).

В грамоте Акилины есть еще загадочное слово, внешне похожее на **привороток** (ед. ч.) / **приворотки** (мн. ч.) — **приворот** (ед. ч.), но в другом контексте:

*в цви своему дховному Захарьи попоу даю **приворота** оу (= предлогу в. — Л. К.) польтора рубли да польтора рубли серобрамъ за сорокоустя* [9, с. 73].

Л. М. Марасинова отмечает: «Значение этого слова неясно» [9, с. 187], оно не зафиксировано ни в одном из словарей. Но, привлекая «Словарь церковнославянского и русского языка», исследователь находит глагол **приворачивать** в значении ‘отда-

вать, предоставлять, обращать в чью-либо собственность. Отметим, что в данном словаре это значение подается с пометой «стар.», т.е. «старинное» [15, кн. II, т. 3, с. 457]. находка позволила Л. М. Марасиновой допустить, что существительное **приворот**, однокоренное с указанным глаголом, могло означать ‘дача чего-либо в собственность кому-либо’ [9, с. 187]. Добавим в толкование сему ‘вознаграждение за что-нибудь’. Учитывая приведенный фрагмент грамоты, мы можем согласиться с этим предположением, тем более что слово употреблено в форме родительного падежа в контексте, где говорится о деньгах (тем самым подчеркивается количественная семантика сообщения). И в то же время абсолютно не соглашаемся с подачей этого слова в «Словаре русского языка XI–XVII вв.»: в четвертом значении оно трактуется как полный синоним к слову **привороток / приворотки** из духовной грамоты Акилины (правда, толкование ‘то же, что **привороток**’, то есть ‘шейный платок’, сопровождается знаком вопроса) [12, вып. 19, с. 121]. Такое решение вызывает нареkanie особенно потому, что объединяет слово из указанного контекста в псковской грамоте Акилины с употреблением слова в других случаях, где обнаруживаются еще три значения: ‘переворачивание’, ‘привораживание’, ‘надел, владение’. В этих значениях не усматривается сближающих сем со значением из завещания Акилины.

При описании земельных наделов в соответствующих грамотах четко указываются опознавательные ориентиры границ участков. Но при этом встречаются «непонятные слова», как их называет Л. М. Марасинова. Так, в меновой грамоте (№ 6) второй половины XIV в. (в списке около 1669 г.) читаем:

*И взяся Захария и жена его у Филипа у попа оклад против своиво роскладу <...> к своєю земли <...> да по борозду **от почня**, а нивка **по зари** [9, с. 50–51].*

По поводу предложно-именного сочетания **от почня** Л. М. Марасинова пишет: «Так в ркп., значение слова неясно» [9, с. 51]. Предположим, что в этом слове корень **чин-** / **ча-** / **чн-** (последний вариант корня содержал древний звук [ʋ]). Слово может означать ‘начало в чем-нибудь, чего-нибудь (например, участка)’. И тогда начальная форма слова возможна как слово мужского рода типа **починь / почнь / почень**, а родительный падеж и будет **почня**.

О значении выражения (нивка) **по зари** Л. М. Марасинова тоже сообщает, что оно неясно, тем более, что «в словарях и картотеках не отмечено» [9, с. 185]. Предполагаем, что это образование типа известного в памятниках существительного мужского рода с твердой основой **заорь** с корнем **ор-** (ср. **орать** ‘пахать’) и с приставкой **за-** означает ‘край пашни к дороге, лесу или ручью, который не засеивается’ [9, с. 182]. Добавление к толкованию ‘возможно, овраг’ не очень соответствует реалии, связанной с пахотой. Хотя у И. И. Карпова (материалы которого отражены в «Дополнении к “Опыту...”») есть слово **забра** в значении ‘овраг’, обнаруженное в псковских и тверских говорах, последние близки к псковским [13, с. 60]. **По зари**, судя по описываемым границам в грамоте, — форма В. п. мн. ч. от существительного склонения на *ī женского рода. Ср. описание границ:

оклад <...> по роскладную между (В. п. — Л. К.) да по борозду (В. п. — Л. К.) от почня, а нивка по зари [9, с. 50].

В случае **по зари** — аналогичная конструкция, только граница участка проходит по необрабатываемой линии края участка.

Итак, возможно, было слово женского рода (современного третьего склонения, в прошлом на *ĭ-основу) **заорь** — в противовес слову мужского рода **заорь**. Возможно, что при быстром, обычном произношении происходило стяжение двух гласных звуков, из которых второй был, может быть, безударным при передвижении ударения к началу слова, что характерно для псковских говоров, особенно в словах с приставкой **за-**: **zá-орь** → **zá-арь** → **зарь**.

Такое слово (**заорь** / **заори** — единственное и множественное число) служило названием для необработанного участка земли ('место, где кончается пашня и начинается необработанная земля, овраги и т. п.'), как и более распространенное слово **заорь**, которое обнаружено в других псковских грамотах XIV–XV вв.

Наблюдения над обозначением границ пахотного участка показывают, что граница является каким-то местом, не подлежащим возделыванию. По свидетельству Л. М. Марасиновой, в сборнике «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» в одной из грамот есть подобное название:

А межа по Лучьскую межу, а от поля по Зари [9, с. 185].

В этом издании пишется существительное с большой буквы как собственное имя. Соглашаемся с Л. М. Марасиновой, которая против такого написания в публикуемой ею грамоте: «...такого географического пункта в указанном районе нами не обнаружено. Вернее передать это слово именем нарицательным “**по зари**”» [9, с. 165]. Л. М. Марасинова права в своем предположении, что «это слово означало какой-то вид угодий или состояние земли» [9, с. 165]. В таком виде рассматриваемое слово нигде больше не зафиксировано. Мы же предложили на данный момент объяснение, связанное с отражением на письме произношения в потоке речи.

В раздельной грамоте (№ 12) 1417–1434 гг. (в списке 1671 г.) отмечено следующее название для определения границы земельного участка — **Могчило**:

третей жеребьи от Милецъ по мость, а из моста в Могчило, а из Могчила до кроими до последнего мыса [9, с. 55].

Что это за слово, которое Л. М. Марасинова посчитала собственным наименованием (топонимом) и опубликовала с прописной буквы? Сам автор пишет: «...возможно, слово искажено. Значение его неясно. Буква “**г**” написана над строкой более светлыми чернилами» [9, с. 56].

Наблюдения над текстом, выяснение особенностей слова позволили нам прийти к следующему решению. Во-первых, указанное слово стоит писать со строчной буквы: это нарицательное существительное, название ямы, наполненной водой, для вымачивания льна при его обработке. В современных псковских говорах существует слово **мочило**. Во-вторых, надписанная над словом буква «**г**» позволяет принять это слово как известное и в псковских говорах **мочигло** (как и **жерегло**), если предположить, что буква была надписана в спешке не в том месте, где должна быть, — просто над словом (писавший, вероятно, решил «верно» написать слово, подставив букву «**г**», т. е. так, как приходилось ему слышать и произносить самому: со звуком [г] в сочетании звуков [гл]). Указанное слово содержит след древнего сочетания согласных ***dl** без упрощения группы согласных при более позднем произношении этой группы, как [gl] в псковских говорах под влиянием соседних балтийских языков, где та-

кое сочетание естественно. Влияет на псковские говоры и соседство с белорусским языком, испытывающим влияние западнославянского польского языка, в котором не было упрощения общеславянского сочетания **dl* (подобная судьба и у **tl* с дальнейшим произношением [*kl*]).

Открытие судьбы подобных сочетаний было сделано теми учеными, которые занимались псковскими говорами или были знакомы с ними. Но сделано это было после публикации псковских грамот Л. М. Марасиновой. А. А. Зализняк и этот случай считает типично псковским: «Как уже давно установлено, в древнепсковском диалекте **tl*, **dl* дали *kl*, *gl*». Среди подтверждающих примеров, приводимых ученым, есть и псковское слово *мочигло* в значении 'болото' [11, с. 40]. Исследователь отмечает, что для новгородских говоров данное явление характерно, это и позволило говорить о древнем псковско-новгородском диалекте [11, с. 41]. Публикация «Лекций по русской диалектологии» А. А. Шахматова, в которых большое место уделено данному факту в псковских говорах в связи с проблемой рассмотрения диалектологии как исторической дисциплины, убеждает в допустимости такого решения. Удивительно, как описанное (почти столетие назад!) выдающимся филологом уникальное свойство псковских говоров замечательно поддерживает открытия, совершенные отечественными учеными, особенно во второй половине XX в. (см. [2, с. 53–55]).

Итак, очередной просмотр текстов псковских грамот XIV–XV вв. позволил обнаружить явления, требующие исследования и учета, при желании понять план содержания и план выражения древних слов, чтобы использовать материал, например, для словарных статей в «Псковском областном словаре с историческими данными».

Таким образом, синхронные и диахронные процессы неразрывны в судьбе многих явлений русского языка и его говоров, в частности псковских.

Литература

1. Аверинцев С. С. Филология // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1999. С. 544–545.
2. Шахматов А. А. Русская диалектология: лекции / Межкаф. словарь. каб. им. проф. Б. А. Ларина С.-Петерб. гос. ун-та; под ред. Б. А. Ларина. С приложением очерка «Древнейшие судьбы русского племени». СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. 264 с. (Филологическое наследие.)
3. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–24. Л.: ЛГУ; СПб.: СПбГУ, 1967–2013.
4. Ларин Б. А. [Вступление] // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Л.: ЛГУ, 1967. С. 3.
5. Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря. Л.: ЛГУ, 1961. 40 с.
6. Ларин Б. А. Историческая диалектология русского языка в курсе лекций акад. Шахматова и наши современные задачи // Шахматов А. А. Русская диалектология: лекции / Межкаф. словарь. каб. им. проф. Б. А. Ларина С.-Петерб. гос. ун-та; под ред. Б. А. Ларина. С приложением очерка «Древнейшие судьбы русского племени». СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. С. 5–15.
7. Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка: учебник для вузов РФ. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 512 с.
8. Список сокращений источников XIII–XVIII вв., использованных в исторической части ПОС // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Л.: ЛГУ, 1967. С. 21–26.
9. Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М.: МГУ, 1966. 212 с.
10. Янин В. Л. Сфрагистический комментарий к псковским частным актам // Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М.: МГУ, 1966. С. 163–178.
11. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 720 с.

12. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Ин-т русского языка им. В.В.Виноградова Рос. акад. наук. Вып. 1–29. М.: Наука, 1975–2011.

13. Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб.: Типогр. Императ. акад. наук, 1858.

14. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М.: ГИС, 1956.

15. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук: в 2 кн. Репринтное изд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001.

Статья поступила в редакцию 11 августа 2014 г.

Контактная информация

Костючук Лариса Яковлевна — доктор филологических наук, профессор; anh57@yandex.ru

Kostiuchuk Larisa Ya. — Doctor of Philology, Professor; anh57@yandex.ru